

ОТПУСК НА ТОТ СВЕТ

р о м а н

САМЫЙ
СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ
И ЯРКИЙ РОМАН
НАШЕГО ВРЕМЕНИ



АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Авантюристка

Анна и Сергей Литвиновы

Отпуск на тот свет

«ЭКСМО»

2000

Литвиновы А.

Отпуск на тот свет / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2000 — (Авантюристка)

На борту обычного самолета у одного из пассажиров – бомба. У другого – чрезвычайно ценный груз. У третьих – снаряженные парашюты. До начала регистрации рейса они незнакомы друг с другом... Но случайно ли они оказались вместе? Случайно ли трое молодых людей – очаровательная девушка Татьяна Садовникова, профессиональный картежник Игорь Старых и журналист Дмитрий Полуянов – становятся объектом самой настоящей охоты? Случайно ли их преследуют мафиозная структура, милиция и органы государственной безопасности?

Анна и Сергей Литвиновы

Отпуск на тот свет

Памяти В.Г.

Пятница, 18 сентября. Вечер

Он тщательно задернул шторы. Надел перчатки. Аккуратно разложил на кухонном столе химикаты.

«Думал ли ты когда-нибудь, что на старости лет тебе придется изготавливать бомбу?»

Но ведь ты точно так же никогда не думал, что станешь поджидать человека в кустах у подъезда с обрезком свинцовой трубы в руках. Не думал, что схватишь его за горло, что...» Он тряхнул головой, прогоняя неприятные воспоминания.

«А могло тебе прийти в голову еще год назад, что ты по всем правилам оборудуешь наблюдательный пункт и будешь вести слежку? День за днем – с фотоаппаратом и блокнотом? Что будешь фиксировать привычки «объекта». Что станешь фотографировать и записывать всех, кто соприкасается с ним...»

А думал ли ты – ты, никогда не имевший и не имеющий ни малейшего отношения к каким бы то ни было спецслужбам, – что будешь проводить настоящую вербовочную операцию? Что войдешь в доверие к человеку? Будешь называть себя его другом? Станешь подпаивать его? Глушить пентоталом? Выдавливать из него информацию?..

Но ты сделал все это.

Так что бомба – вполне логичное продолжение этому. Тот самый последний мазок, что венчает картину.

Будем надеяться, картина выйдет удачной».

Суббота, 19 сентября. Утро

Таня

Она выскользнула из-под простыни и с удовольствием оглядела себя в зеркале. Спала Таня всегда голой (все эти ночнушки, пижамки – на фиг, на фиг!), и поэтому зеркало услужливо отразило высокую грудь, длинные ноги и плоский живот с недавней татуировкой – маленьким паучком. Плюс к тому русые волосы, рассыпавшиеся по плечам, чуть вздернутый носик, пухлые губы – было в ее внешности что-то англосаксонское. Нет, она даже гораздо лучше любой англо– или просто саксонки. Таня была настоящей русской красавицей.

Она потянулась, улыбаясь самой себе. Прелесть! Есть от чего забалдеть любому мужику. И они балдели.

Вебер дрых на широкой гостиничной кровати. Утомился старичок прощальными играми. Он чуть посапывал, натянув шелковую простыню до носа.

Таня подошла к окну и выглянула из-за толстой портьеры. Их гостиница «Плаза» стояла близ Вацлавской площади. Прага по-осеннему золотела за окном. Голуби и туристы неспешно паслись на площади.

«До свидания, Прага! До свидания, милый Вебер! Меня ждут великие дела!»

...В этом году она взяла настоящий отпуск – на целый месяц. Чтобы и отдохнуть могла как следует, и было что вспомнить...

Первые две недели просидела пайнкой вместе с Вебером в Чехии, в Карловых Варах. Расслабилась, разругалась и поправилась на два килограмма. Было, конечно, неплохо, но наконец-то эта расслабуха кончилась!

Две унылые отпускные недели позади. Теперь начинается *лихая* часть отпуска. Право слово, лихая жизнь Тане нравилась больше.

Она вспомнила *катастрофически спокойный* чешский городок.

Прилизанные улицы. Отдыхающие в спортивных костюмах. Каждый вечер они прогуливаются по набережной с кружками минералки. Похоже, что почти все – из России, причем из такой глухомани, куда три дня на джипе скачи – не доскачешь. Разговоры сводятся в основном к физиологическим темам.

– Ну, как вы сегодня? – со значением спрашивает во время променада одна дама другую.

– Вы знаете, – ее подруга полна радостного возбуждения, она почти кричит, – у меня сегодня утром был нормальный стул!

Ну и тощища!

Ее друг Вебер был не чета тоскливым русским. Особенно в постели.

Любой врач знает толк в сексе. А если он к тому же еще сексопатолог с пятнадцатилетним стажем... Постояльцы «Дома Павлова» не раз вздрагивали от Таниных ночных воплей.

Плюс к тому – у Вебера никаких проблем с деньгами. Жили они в «Доме Павлова» – лучшем отеле, ужинали в «Бристоле» и «Пупе», ездили на взятой напрокат «BMW Z3» – обалденной машине с открытым верхом. У Джеймса Бонда в «Золотом глазе» была такая же! Эх, и полетала же Таня по горным дорогам, входя в закрытый поворот на скорости 150 километров! Вебер только глаза зажмурил. А после гонок по серпантину они загоняли «Z3» в лес, а то прямо на обочине, не выходя из машины, занимались секс-разминкой.

Жаль только, что кормил ее Вебер на свой «язвенный» вкус – выбирая одни лишь отвратительные пресные блюда. И никакого вина – позволялось лишь рюмку «Бехеровки» по субботам. При нем даже сигаретку выкурить было невозможно – сразу начинал зудеть, что сигареты провоцируют проблемы со здоровьем.

Нет, пора все-таки кончать с этим немцем. Сорокалетний вдовец-язвенник с двумя детьми – не самый лучший вариант. Даже если у него марок куры не клюют. Таня считала, что она достойна лучшей участи.

В свои двадцать пять Таня и сама, без всяких Веберов, добила много. Окончила с отличием психологический факультет МГУ. Поступила в аспирантуру. А одновременно строила карьеру. Начинала еще студенткой – работала менеджером в рекламном агентстве, потом получила ту же должность, но в агентстве покрупнее, потом потихоньку пробилась в небольшие начальники... А три года назад ее пригласили в российское представительство большой американской компании. Тут и началась бешеная жизнь. Пахали по семьдесят часов в неделю – как на плантации.

Ясный пень, после такой каторги нужен полноценный отдых. И пятизвездочный санаторий в Карловых Варах – только первый тур. Второй тур будет куда занимательнее.

Таня с удовольствием представила, как ее коллеги хвастаются:

«Я занимался дайвингом в Шарм-эль-Шейхе...»

«Я в Амстердаме курил травку в кафе-шопе...»

«Я обошел все музеи Лондона...»

«Это все, конечно, здорово, ребятки. Но уж туда, куда поеду я, вас точно не занесет никаким ветром».

Игорь

Больше всего на свете Игорь любил играть.

В тот день он встал по обыкновению поздно. Впрочем, «поздно» – не то слово. Если все человечество делилось на «жаворонков» и «сов», то Игорь был супер-сова, экстра-сова, настоящий Сова Филинович.

Свое ложе он покинул в тот час, когда поезда метро стали заполняться людьми, клюющими носом по дороге домой после окончания рабочей смены. Впрочем, о рабочих сменах, равно как и о метро, Игорь в свои тридцать один знал лишь умозрительно. Всю жизнь он провел в атмосфере довольства и роскоши. В ней не было места общественному транспорту и пахоте за– ради куска хлеба.

Первую половину жизни комфорт и блага ему обеспечивали родители. Папа Игоря был блистательным математиком. В эпоху, когда отсутствовали персональные компьютеры, Игорев папаша был для Советской страны чем-то вроде супер-ЭВМ. С той, однако, разницей, что он мог сам формулировать задачи для себя. И еще – при их решении проявлять то качество, коего напрочь лишена машина и которое называется в искусствах «вдохновением», а в науках – «интуицией».

Способности отца по достоинству оценила отчизна. Уже одни только премии – Ленинская плюс три Государственные – могли обеспечить подрастающего Игоря так, что он ни в чем не знал недостатка или отказа. А батяня являлся к тому ж академиком, Героем Социалистического Труда и депутатом Верховного Совета трех созывов. А все это, вместе взятое, означало во времена социализма пятикомнатную квартиру в «генеральском» доме-утиге на Соколе, домработницу, дачу в Серебряном Бору, садовника, кухарку. Плюс персональную черную «Волгу», которая ежеутренне заезжала за бодрым, румяным и всегда, казалось, веселым академиком.

К академическому комплексу прибавлялось снабжение из распределителя – мамане (доктору химических наук, между прочим) никогда не доводилось всплахиваться на крик соседки: «Полукопченую выкинули!» К тому же папаня постоянно ездил за кордон – на конгрессы, симпозиумы, семинары... Вполне понятно, что Игорь в самом деле с молодых ногтей ну ни в чем не нуждался.

Папа отвечал на заботу партии и правительства остроумнейшими подходами к расчету траекторий спутников и баллистических ракет. Игорь же заботу, которой его окружала семья, в свою очередь оправдывал блистательной, восхитительной учебой.

В восемь лет он в уме извлекал квадратные корни из четырехзначных чисел. У него была феноменальная память. Любую книгу, будь то даже поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» или таблицы Брадиса, он мог цитировать наизусть, начиная с любой страницы. В десять лет прочитал семь томов Большой Советской Энциклопедии и помнил из прочитанного все, вплоть до американского биохимика Элкана Блоута и Велижа, города в Смоленской области (9 тысяч жителей, пристань на реке Западная Двина).

Но дальше первых семи томов Игоряша не продвинулся. Читать энциклопедию стало ему скучно. Как быстро наскучивало и все остальное.

Надо сказать, что, если бы академик-папа обладал хотя бы половиной способностей своего сына, Нобелевская премия была бы у него в кармане. Ее, эту премию из рук шведского короля, Игоряше кто в шутку, а кто и всерьез в детстве прочил. И, наверно, не зря. Но...

Игорь был ленив. Ленив катастрофически, фантастически, феерически. Ему, в сущности, при его способностях и окружении, даже и не требовалось никогда ни к чему прилагать усилий. Хочешь икорочки черненькой? На тебе икорочку. Джинсы «Ливайс»? Папа привезет три пары:

одну парадную, другую для школы, третью для двора. Машину? На семнадцатилетие Игоряша получил новенькую «восьмерку».

Естественно, Игорь с золотой медалью окончил среднюю школу и без труда поступил в школу высшую. Выбрал Игоряша мехмат МГУ. И тут, в сентябре 1985-го, буквально в один день произошли три события, предопределившие его дальнейшую судьбу.

Сначала однокурсники затащили его в пивную – знаменитую в ту пору «Яму» на углу Пушкинской и Столешникова. До того вкуса пива, как и другого алкоголя, целомудренный Игорь не знал. Обстановка пивной со сводчатыми потолками и неумолчным пьяным гулом, как и само пиво, Игорю не понравилась. Не понравился и последовавший за пивом сладкий портвейн «Кавказ». Категорически не понравилось ему также состояние опьянения. (И впоследствии всю свою жизнь наш герой никогда – ни в день рождения, ни на чьих-нибудь поминках, ни даже в Новый год – не притрагивался к спиртному.)

После портвейна однокурсники затащили ничего не соображавшего Игоря в общагу. Смутно помнились такси, лифт, дымная комната...

Очнулся он в полной темноте от громких и сиплых звуков. Раскалывалась голова. Он разлепил глаза и обнаружил себя лежащим навзничь. Верхом на нем сидела большая женщина и совершала возвратно-поступательные движения. Ее огромные груди мотались перед Игоревым носом. Кроме напряжения внизу живота, Игорь, обесчувствованный алкоголем, не ощущал ничего. Женщина трудилась вовсю и ритмично стонала. Ее огромный живот хлопал по его животу. К Игорю постепенно возвращалось сознание, и он понял, что происходит то, о чем он года четыре мечтал в тишине своей комнаты на Соколе, – его лишают невинности. Ни радости, ни сладости он от этого не испытывал.

Наконец женщина исторгла хриплый вопль победы и повалилась головой Игорю на грудь. Он по-прежнему не чувствовал ничего. «Ах ты, мой бедненький малышечка», – жарко прошептала она и стала лизать ему сосок. И тут он наконец кончил. Это было похоже на какой-то пшик – просто наступило облегчение, будто бы он помочился. Реальный опыт не шел ни в какое сравнение с тем идеальным, который он приобретал в одиночку в собственной комнате, сжимая свой член и вызывая в уме образы полураздетых одноклассниц.

Женщина навалилась на него. Тело ее обмякло. Через минуту она уже спала, чуть всхрапывая. Общежитская койка была узка даже ей одной, поэтому Игорь выкарабкался из-под нее и стал разыскивать в темноте разбросанную по всему полу одежду. Только сейчас он заметил, что на соседней койке тоже кто-то возится и стонет. Он выскочил из комнаты, так и не найдя носки и майку.

Феноменальная память в этот раз изменила ему, и он так и не мог вспомнить впоследствии, ни как звали эту женщину, ни как она выглядела, ни в какой комнате происходило сие действие.

Но ночь продолжалась. Противоударные водонепроницаемые часы «Сейко» на запястье (подарок папани) показывали половину третьего, ехать домой на Сокол не было денег. Посему он зашел в комнату, где жили его новоявленные друзья – тоже первокурсники, как и он.

В комнате было дымно. Сокурсники-собутельники, почти протрезвевшие и мрачные, играли в карты. Игоря поприветствовали вяло.

Он жадно выпил воды прямо из носика чайника и присел на ручку единственного в комнате кресла наблюдать за игрой. До того девственник Игорь ни в какие карточные игры, даже в дурака, не играл: карты в сознании родителей были таким же символом разврата, как папиросы и дурные женщины.

Игра, в которую резались друзья, называлась преферансом. К концу пульки Игорь, внимательно следивший за событиями, уже понимал ее механизм. Когда подсчитали результат, он попросился играть в следующей партии четвертым.

Стали играть – на интерес, ввиду присутствия новичка. Игорь выиграл, причем двести вистов, – только везением такой результат объяснить было нельзя. Соперники этого не поняли и в следующей «пуле» объявили игру по копейке за вист – стандартная студенческая ставка тех лет.

Игорь снова выиграл – триста пятьдесят вистов, или три рубля пятьдесят копеек. Только везением объяснить это опять же было нельзя. А Игорю и не сказать, чтоб особо везло. Просто он, с его фантастической памятью, *знал*, какие карты на руках у противников, какие – лежат в прикупе, какие – сносят его соперники. Рубашку заигранной колоды он помнил так же, как если бы карты смотрели на него лицом.

До сих пор помнит Игорь, как он сгреб со стола те три мятых желтых рубля и горсть медяков; помнит, как осенний рассвет освещал изумительно красивую Москву, раскрашивая ее в мягкие пастельные тона – столица с шестнадцатого этажа главного корпуса МГУ на Ленинских горах была видна вся как на ладони. Всю жизнь Игорь помнил первую изумительную, пронзительную, ни с чем не сравнимую радость от игры и выигрыша. Все это – рассвет бабьего лета, семнадцать лет, первая женщина, первая победа – сплелось в какую-то удивительную симфонию. Чудилось, что вдруг грянула изумительная музыка, а лица однокурсников-соперников казались лицами красивейших из смертных.

Не единожды потом Игорь испытает упоение победой – но тот первый раз запомнится навсегда.

И теперь, в пять часов вечера, выпив крепчайшего кофе и стоя под ледяным душем в своей квартире в Строгино, Игорь думал только об игре.

Завтра предстояла партия, по сравнению с которой все прежние игры покажутся ему пресными...

Дима

Сделать сенсацию – такая была у Димы мечта.

Дима начал мечтать об этом еще в пятнадцать лет, когда первую его заметку опубликовала «Комсомолка».

Глупая мечта сопровождала его все годы обучения на факультете журналистики. И все три года работы в штате большой газеты. Со временем она не потускнела. Дима стал лишь отдавать себе отчет, как трудно будет осуществить ее. Раньше, при социализме, годами ничего не происходило. Василий Михайлович Песков находил затерявшихся в тайге староверов – и это было бомбой. Готова даже не статья, а сериал. Вся страна читает. Вырезают. Клеят в альбомы...

А начало гласности? Жаль, Дима тогда еще учился в школе. Все только и говорили о том, что там еще новенького напечатали «Огонек» или «Смена». Сталинизм! Эротика! Хиппи! Откровения анонимного бюрократа!

А сейчас – чем удивишь обывателя? Коррупцией? Проститутками? «Голубыми»? Экстрасенсами? Да сейчас плюнь на улице – попадешь в экстрасенса или проститутку. О коррупционере и говорить нечего.

Для себя Дима, впрочем, составил список тем, которые могут удивить читателя. И тем самым прославить его самого.

Это были, во-первых, сексуальные откровения о жизни политиков. А что? Наша, родная, Моника Левински обвиняет Президента в сексуальных домогательствах. Да, это был бы гвоздь! Вот только захочет ли раскрывать рот доморощенная Моника Левински? Все наши потенциальные Левински – официантки или поварихи на правительственных дачах – носят погоны не менее лейтенантских и связаны подпиской о неразглашении.

Могли удивить читателей инопланетяне. Не какие-нибудь дурацкие «загадочные круги на кукурузном поле», а живые, реальные инопланетяне, у которых он, Дима, берет интервью.

Нужны инопланетяне, которых можно сфотографировать и пощупать... Вот это была бы мировая – в смысле всемирная – сенсация.

Мог бы потрясти аудиторию человек, который читает мысли и двигает предметы. Не какой-нибудь там Дэвид Копперфилд. Не фокусы-покусы с многотонной аппаратурой. Нет – вот простой, допустим, рабочий из Ульяновска. Вышел подбоченясь на Красную площадь. Раз – и перенес Мавзолей. Два – на том месте стоит Храм Василия Блаженного. Все! Копперфилд отдыхает. Плачется в плечико Клавы Шиффер...

А все эти чудеса снимает Дима Полуянов. Обо всем пишет Дима Полуянов. У него – эксклюзивные права. Он – всем известен.

Дима был не настолько наивен, чтобы делиться с кем-то (тем более в редакции) своими мечтами или всерьез верить, что они осуществляются. Но надежда у него была. Маленькая, но была. В конце концов, ему пока только двадцать пять – вся жизнь впереди! Раздаться и жди!

Дима отнюдь не был наивным мечтательным дурачком. Он был нормальным современным молодым человеком. Он любил после работы (да и во время нее!) пропустить рюмку другую коньяку – был бы повод! Ему нравилось смущать практиканток с журфака наглым взглядом и циническими разговорами. Он имел связь с женщиной на девять лет старше его. Наконец, Дима прекрасно знал, что многие статьи в его газете (равно как и в других) появляются не в результате свободного журналистского поиска, а оттого, что *так кому-нибудь нужно*. Больше того, ему самому не раз предлагали деньги за публикацию того или иного *нужного* материала. Но таким просителям Дима вежливо, но твердо отказывал. Может быть, дело было в цене. Сто тысяч долларов ему пока не предлагали, а десять штук «зеленых» (максимальная цена, на которую его уламывали) – слишком дешево, считал Дима, за *его бессмертную душу*.

Лучше быть бедным, но гордым, чем... столь же бедным, но сломленным. Много ему не требуется. У него есть крыша над головой, кусок хлеба с маслом, любовь женщины бальзаковского возраста. И пока где-то на свете вызревает для него гранд-сенсация, сенсация-супер, он будет делать сенсации маленькие.

Вот и сегодня вызвал его главный редактор: «Собирайся, утром летишь. Триста строк репортажа – парашютисты прыгают на Северный полюс».

– Я с ними тоже прыгаю?

– А кто у нас всем бабам мозги заморочил – сколько у него прыжков, да сколько раз его парашют не раскрывался? Трепался по коридорам? Трепался! Вот теперь-то за базар и ответишь! Так, что ли, нынче говорят?

– Истинно так! – радостно закричал Дима. – Где прикажете выписать подъемные, полетные и опускные?

– В бухгалтерии получишь. Лети отсюда!

За 160 лет до описываемых событий

Милостивая государыня Анна Николаевна!

Шкапулку сию приказал я доставить Вам сразу после моей кончины, посему читаете Вы эти строки в те минуты, когда мои бренные останки уже покоятся в земле. Подернулись ли слезою Ваши глаза, столь прекрасные, сколь, по отношению ко мне, и хладные? Остались ли Вы равнодушны при известии о моей кончине так же, как были Вам равнодушны все условия моей жизни? Мне не дано об этом узнать... Однако к делу.

В шкапулке сей Вы отыщете камень настолько прекрасный, насколько несчастливый – и столь же драгоценный, сколь и бесполезный. Ни единая душа в подлунном мире не ведает, кажется, об его существовании. Он принадлежал

несчастному Его Императорскому Величеству Павлу Петровичу и был получен покойным отцом моим при обстоятельствах весьма трагических. Отец мой передал его мне перед собственной кончиною, наказав хранить бережно, потаенно и ни единой живой душе не сказывать о его существовании.

Земной мой путь близится к завершению. Ни единого близкого человека, кроме единственно Вас, милостивая Анна Николаевна, у меня нет. Было бы дерзостию неслыханной ставить Вам условия хранения сего драгоценного предмета, Вы вольны делать с ним все, что душе Вашей угодно будет – да только думаю я, что из уважения к памяти если не моей, так отца моего, Вы вспомните, милостивая государыня Анна Николаевна, об его завете. Примите сей дар как знак того, что одна Вы были и остаетесь свет моей жизни. Если бы знали Вы, милостивая Анна Николаевна, с каким наслаждением пал бы я к Вашим ногам, дабы обнять Ваши колена, изливаясь в бесполезных чувствах!.. Простите мне мою дерзость, ибо Вам известно, как любил я Вас при жизни – точно так же буду любить и за гробовою доскою, и, быть может, любовь моя оградит Вас от многих печалей.

Ухожу смиренный перед Богом, людьми и Вами, бесценная Анна Николаевна.

*Истинно преданный Вам до гроба
Иван Бологовский.
Рим, 7 января 1838 года.*

* * *

Аэродром Колосово прекрасно вписался в капитализм. Когда-то, в советские времена, здесь готовили будущих десантников и спортсменов-парашютистов. Аэродром финансировался государством и существовал вполне безбедно. Когда наступила перестройка, начальник аэроклуба, как и все жуки-начальники, сориентировался быстро. Денег «сверху» больше не дают? Будем брать их со спортсменов! И парашютные прыжки стали платными. Спортсмены зароптали, начав разбегаться – лишних денег у них не было, да и сама идея – платить за то, что столько лет было бесплатным, – казалась кощунственной. Начальник никого не удерживал. Он принялся приглашать на аэродром иностранцев. Те были только рады. Платить за прыжок по семь долларов – у них на родине это стоило не меньше двадцати пяти баксов.

Одновременно стало формироваться новое поколение спортсменов – вместо старой гвардии влюбленных в небо на аэродром стали приезжать «жирные коты». Эти готовы были платить за экстремальные развлечения. На аэродроме их стали стричь не медля. Раньше, для того чтобы получить право прыгать с парашютом-«крылом», надо было сделать не меньше шести-десяти прыжков на старом десантном «дубе». Теперь к «крылу» допускали практически сразу же. А после десяти прыжков разрешалось и свободное падение. Все это обходилось прыгунам в астрономические, по понятиям простых людей, суммы – но «фирмачи» и банкиры деньги выкладывали с легкостью.

Аэродром процветал. Вместо оставшихся с советских времен казарм начальник построил две шикарные гостиницы. Из столовки сделали элегантно кафе. Появился бар с бильярдом. «Новые русские» отрывались. Днем прыгали, вечером пили, ночью трахались. Спали до часу. Утренние построения и такие глупости, как спортивный режим и дисциплина, остались в прошлом.

Конечно, не обходилось без эксцессов. Переломанные ноги и руки были в порядке вещей. А три-четыре человека каждый год разбивались насмерть. Раньше такое случалось раз в десять лет. По каждому инциденту в прошлые времена собирали комиссию, расследовали причины, искали и находили виновных. А теперь каждый прыгун подписывал бумагу, что он сам отвечает за себя и к аэроклубу, случись что, претензий не имеет.

Раньше спортсмены тренировались ради побед и репутации в парашютном мире. Новое поколение на спортивные результаты плеvalo – они уже сделали карьеру, каждый в своей специфической области. Самоутверждаться с помощью парашюта им нужды не было. На аэродром приезжали расслабляться, а не тренироваться. И от начальника требовали все новых и новых развлечений. Он с удовольствием придумывал и организовывал их – что приносило ему немалый доход. Ночные прыжки. Прыжки с малой высоты. Прыжки на доске – скайсерфинге. Прыжки с большой техники – самолета «Ил-76» и вертолета «Ми-6»... Все острее ощущения. Все веселее игры.

В этом году начальник задумал грандиозный проект – десантирование на Северный полюс. Идею приняли «на ура» – несмотря на то, что эта недельная поездка стоила около трех тысяч долларов. «Подумаешь, три штуки. Зато кайф какой», – говорили богатые парашютисты. Не очень богатые призадумались – деньги, конечно, немалые, но до сентября еще далеко, можно и подкопить. Многие специально сдвинули отпуска на сентябрь. Планировали на пару недель съездить куда-нибудь к морю, а после махнуть на Северный полюс. Это ведь как можно потом расписать, вернувшись в Москву... А жалкие остатки парашютистов старой закалки, которые еще появлялись изредка на аэродроме, гордо заявляли, что в гробу они видали этот полюс. За такие деньги еще и мерзнуть... Но прыгнуть на Северный полюс хотелось всем. Даже Арина, жена начальника, робко спросила мужа: «А я вам там не понадобится? Может, приготовить чего или постирать?»

* * *

Самолет из Праги прилетел в Шереметьево-2 в пять пополудни. Пока Таня прошла паспортный контроль и получила багаж, натикало уже почти семь. Ехать домой смысла не было.

Она может позволить себе провести одну ночь в «Новотеле». Все равно завтра в восемь вылетать из Шереметьева. Подумаешь, заплатит за ночку в четырех звездах. Она на такси больше потратит. А теплую одежду и парашют завтра привезет к самолету брат – все равно он эксплуатирует ее квартиру, кормит рыбок и трахается там со своей Сашенькой.

Да, это любопытно – пожить в отеле в родном городе. Почувствовать себя интуристкой. Из окна ее номера был виден куб Шереметьева-2.

Она дала доллар носильщику и забросила чемоданы в шкаф.

Приняла душ, с удовольствием оглаживая свое молодое упругое тело, и радостно засмеялась. Без сожаления бросила под ноги одно полотенце, другим, махровым, насухо вытерлась. Вот чем хороши гостиницы – никогда не надо думать, кто станет подтирать лужи в ванной.

Таня надела платье прямо на голое тело и спустилась вниз поужинать.

Когда она входила в ресторан, не меньше десяти мужиков сделали на нее стойку. Даже жевать перестали. Ей был приятен эффект, который она производит. Она села, повела плечами. Пяльтесь-пяльтесь – это разрешается, но ни с кем она сегодня не будет. Хорошего понемножку. Вебер так ее за эти две недели затрахал – аж все болит внизу. Объявляется пост – до самого Северного полюса.

* * *

До утра надо было как-то скоротать время – ложиться он уже не собирался, – и Игорь отправился в казино. Сегодня в клубе не играли, поэтому придется убивать время здесь. Казино Игорь считал заведением плебейским, предназначенным не для настоящих игроков, а для взбесившихся нуворишей, соривших деньгами, – но что оставалось делать...

Игорь остановил свой ярко-красный «Опель Тигру» у входа в «Византию». Кинул ключи швейцару. «Удачи вам, Игорь Сергеич», – почтительно приложил два пальца к фуражке швейцар, ряженный генералом.

Игорь подошел к кассе. Купил фишку за пятьсот долларов, с золотым тиснением. И отправился в ВИП-зал.

ВИП-зал отгородили от основного помещения казино перегородками. По перегородкам висели лианы. Висела грозная табличка: «Минимальные ставки: рулетка – двадцать пять долларов. Покер – сто, «блэк джек» – сто».

На входе ему поклонился охранник: «Рады вас видеть, Игорь Сергеич». Еще бы не рады! После каждого выигрыша сотня-другая долларов уходила на чаевые. А выигрывал Игорь чаще, чем проигрывал.

... К концу первого курса ему уже не было равных на факультете (хотя на мехмате учились игроки – будь здоров). Зачастую он прямо из дома ехал в ГЗ – главное здание университета – и просиживал за преферансом в одной из комнат общежития до вечера. А чаще до утра. На лекциях почти не появлялся.

Сессию он тем не менее сдал на «отлично» – сказала феноменальная память. И на следующий же день уехал в Сочи. Ему не давала покоя преферансная присказка: «Знал бы прикуп – жил бы в Сочи». А прикуп он знал – *чувствовал!* – почти всегда.

В Сочи Игорь поселился в двухкомнатной квартире неподалеку от центра. Другую комнату занимала хозяйка – «соломенная вдовушка» лет тридцати пяти. Она же ему и готовила, а вскорости стала обслуживать и в постели.

Но вдовушка, как и пляжные девушки, на самом деле мало интересовала Игоря. На пляже Игорь не загорал, купался редко. Здесь он играл. В Сочи собирались настоящие игроки со всего Союза. И ставки здесь были не студенческие. Сначала Игорек играл по десять копеек за вист. Затем – по рублю.

Это была настоящая игра. Можно было за полтора часа выиграть рублей сто, а то и двести. Выигрывал Игорь куда чаще. В среде игроков он быстро создал себе имя. Его наградили почтительным прозвищем Игрек. Прозвище намекало на его молодость, студенчество и некоторую загадочность – о себе он распространяться не любил.

Денег в Сочи Игорь не считал. Ужинал только в ресторанах. Однажды в каюте люкс проехал на теплоходе «Тарас Шевченко» до Одессы и обратно. Потом благодарил бога за то, что взял билет на этот пароход, а не на «Адмирал Нахимов» – как раз во время его путешествия «Нахимов», протараненный сухогрузом, затонул близ Новороссийска.

Возвращаясь в Москву, Игорь оставил вдовушке сверх оговоренного еще тысячу рублей (в ту ночь она любила его особенно пылко). Однако, несмотря на все траты, он привез к 1 сентября в столицу шесть тысяч рублей. Папа-академик зарабатывал столько за полгода. Младший научный сотрудник, каковым Игорь стал бы после окончания мехмата, получал бы такие деньги за пять лет.

Правильно говорили в Советском Союзе: «Ни один талант у нас не остается незамеченным». Однажды, вскоре после начала занятий на втором курсе, к Игорю подошли два безликих человека. Пригласили поговорить.

Его привезли не на Петровку, к чему он внутренне приготовился, а в огромную квартиру старого дома в районе площади Ногина. Угостили кофе с коньяком и сделали предложение: они, эти двое, находят богатых игроков. Игорь играет с ними. Ставка – сто рублей за вист. (Игорь выслушал эту цифру, как и подобает игроку, с каменным лицом. Внутри у него что-то оборвалось.) Если Игорь выигрывает, продолжали безликие, то за свои услуги они получают сорок процентов от выигрыша. «А если я проиграю?» – быстро спросил Игрек.

– Это твой риск.

Он согласился.

Первая игра состоялась через две недели в той же квартире. Первым соперником Игоря оказался толстый узбек в тубетейке – этот играть не умел и швырял карты наудачу. Вторым был молчаливый маленький одессит – этот считал, как электронная машина, но играл без вдохновения. Третьим оказался чечен в папахе и со Звездой Героя на лацкане – он тоже был несерьезным противником.

Каждую сдачу играли новой, только что распечатываемой колодой. Игорь волновался. У него даже руки потели. Три девушки в накрахмаленных передниках подносили напитки. К середине игры Игорю удалось наконец забыть о ставках и раскрепоститься.

В итоге он выиграл сущую ерунду, сто вистов. По студенческим ставкам это означало бы рубль. По сочинским – сто. Здесь выигрыш равнялся десяти тысячам.

Узбек – а больше всех проиграл он – открыл «дипломат» и достал туго перепоясанную пачку сторублевков. «Деньги – вода, – балагурил он, – больше утекает – больше притечет».

Утром, когда игроки уехали, Игорь поделил деньги с наводчиками. На его долю оставалось шесть тысяч рублей. Это опять было целое состояние.

Он засунул сторублевки во внутренний карман пиджака. Подошел к окну. Люди, поеживаясь, выходили из метро. Огромная очередь дожидалась открытия магазина «Колбасы». Теперь он может купить квартиру и не работать. И год не играть. Впрочем, в глубине души он понимал, что от игры не откажется уже никогда.

* * *

Если уж сегодня играть, то не в глупую рулетку, а хотя бы в покер. Там хоть что-то от него зависит.

Игорь сел за покерный стол, бросил пятисотдолларовую фишку крупье. «Поменять или это ваша ставка?» – поинтересовался сукин сын крупье – таким тоном официанты в дорогих ресторанах предлагают заказать тысяchedолларовое вино. «Поменять!» – рявкнул Игорь. Он загадал для себя: если проиграет сегодня – та большая игра, что предстоит ему завтра, окончится победой. А если выиграет? Все равно он пойдет на ту игру и сделает все, чтобы победить.

«Начало было так далеко, так робок первый интерес», – подумал Игорь. Проклятая память. Он не забывает ничего. Он помнит все строчки, что прочитал. Он помнит все происшедшее в его жизни. До мельчайших деталей. Каждую сдачу в преферанс. Каждое произнесенное слово. Каждый жест.

Игорь поставил первые сто долларов.

Он считал, что в покере, как и в преферансе, действует железное правило: «Первый ремиз – золото». То есть если первую сдачу проигрываешь, это хорошая примета, это значит, что в итоге ты останешься в плюсах.

Обычно он открывал карты по одной – подогреваясь адреналином от самого процесса. Но первая сдача – чепуха. Все равно она ничего не значит.

И он раскрыл карты одним махом.

Если бы Игорь не был *профессиональным игроком*, он обязательно бы себя выдал. Шумно выдохнул. Схватился за голову. Что-то воскликнул. Но – «ноблесс обличж»: *положение обяза-*

вало. Игорь с каменным лицом рассматривал свои пять карт: девятку, валета, даму, короля и туза червей. Все карты были одной масти! Он получил флэш со сдачи. С его ставкой в сто долларов – тысяча сто долларов выигрыша. Игорь давно подметил: чем противнее крупье – а у этого рожа была особенно мерзкая! – тем лучшие карты он сдает. Если же за столом стояли милые девочки-дилеры, они обязательно выбрасывали ему какую-нибудь шваль.

Крупье с каменной физиономией ждал, будет Игорь играть или сбросит карты. *Девятка, валет, дама, король и туз. Все – червовые. Это, конечно, замечательно. А если... если попытаться получить «флэш рояль»?*

«Флэш рояль» – это миф, чудо, заветная мечта каждого игрока. Все подряд – десятка, валет, дама, король и туз одной масти. Исключительная редкость.

Игорь интересовался – эта комбинация обычно выпадает в казино не чаще, чем раз в три года. Сколько за эти годы бывает неудачных сдач и обменов карт, сколько потерянных денег... И разбитых жизней... Казино манит игроков флэш-роялем. Флэш рояль – это супервыигрыш. Выплата – сто к одному. Поставил сто долларов – выйдешь из казино с десятью тысячами.

Но флэш роялей практически не бывает.

«Если я сегодня проиграю – то Большая Игра состоится. Если выиграю, то – нет. Пока я выигрываю. Буду менять девятку в поисках червонной десятки – обязательно проиграю. Вероятность – примерно 0,02, или один к пятидесяти. Такие самолеты не летают».

Но Игорь понимал: все загаданное – ерунда. *Ему просто безумно хотелось поменять карту. Ему хотелось риска. Ему нужна была победа над судьбой.*

Он не будет смотреть карту, которую даст ему крупье. Если прогадал – что ж, потеряет свою ставку. Но за ту минуту, пока крупье будет открывать свои карты и карты других игроков, он испытает сотни – нет, тысячи восхитительных ощущений. Надежда и отчаяние, злость и задор, азарт, азарт... Внутренний голос твердит: «Ты поймаешь эту злосчастную червонную десятку!»

Сколько пленников казино обманул их внутренний голос?

Крупье открывал свои карты по одной. Сначала – туз пик. Потом – король бубен. Сосед Игоря по столу, который поставился с парой шестерок, радостно восклицает: «Ага, я тебя надрал!» Туз и король – это самая слабая комбинация у крупье, при которой выигрывают все, у кого есть самая минимальная игра. Хоть пара двоек.

Игорь снисходительно смотрит на соседа – пока крупье открыл лишь две карты... Остается еще три.

Туз треф. Сосед никнет и злобно отталкивает свои карты вместе с проигранными деньгами.

Туз бубен. У крупье – тройка! Вот тебе и сукин сын, у которого, казалось, выиграть легче легкого!

Остается последняя карта. Крупье не спешит ее раскрывать, загадочно поглядывая на Игоря. К столу уже подошли два охранника и инспектор. Им интересно, чем закончится эта маленькая драма.

КОРОЛЬ ТРЕФ!

У крупье – «фул хаус», или, по-русски, «три плюс два». Очень сильная комбинация. Она бьет даже тот флэш, что был у Игоря до обмена...

Соседи Игоря по столу мгновенно теряют респектабельность ВИП-персон. Парочка вьетнамцев возмущенно лопочет на своем птичьем языке, вставляя в речь русские матерные слова. Важный господин – Игорь заметил, тому удалось прикупить «стрит» – злобно говорит нелицеприятные слова в адрес мамы и прочих родственников гада-крупье. И только Игорь молча ждет, пока откроют его карты.

Но крупье тянет. Он не спеша забирает карты и проигранные фишки всех игроков и только потом торжествующе смотрит на Игоря.

Валет. Дама. Король. Туз. Все – червовые.

Остается последняя карта. Все за столом как завороченные смотрят на руки крупье. Он поднимает последнюю карту. Та на мгновение застывает в воздухе. Переворачивается в воздухе. Падает.

Десятка червей.

Десять тысяч долларов.

Крупье меняется в лице. Игорь знает – таких неудачливых, которые, сами того не желая, дают клиентам выиграть большую сумму денег, увольняют немедленно.

Крупье пододвигает и пододвигает Игорю столбики пятисотдолларовых фишек. «Поздравляю», – кисло цедит он.

Его немедленно меняют за столом. Конечно, парень не виноват, что игроку сегодня повезло. Но казино не может давать себя обыгрывать безнаказанно. Кто-то должен ответить за проигрыш? Ответит вот он, крупье. «Мне жаль тебя, приятель. Но и себя мне жаль. Раз я выиграл сейчас – значит, моя Большая Игра не удалась».

«Смотритель зала» приносит Игорю поздравления. Подскочила официанточка, хлопнула пробкой шампанского. «Вдова Клико» – подарок от заведения – потекла в хрустальный бокал. Казино изо всех сил делало хорошую мину.

Игорь ловил на себе взгляды всех игроков ВИП-зала. Казалось, все дамочки, присутствующие здесь, – и эта роскошная блондинка за рулеткой, и эта стриженная у бара – готовы сей секунд отдаться ему. Это поразительно, до чего влечет женщин удача!

Игорь ловил на себе и хмурые взгляды казиношных «быков». Представил их звонки из туалета по мобильным телефонам: «Сейчас из «Византии» выйдет лох с бабками, надо встретить». – «Нет, братцы, я вам не лох».

Игорь отошел к стойке, заказал апельсиновый сок и позвонил своей охране – обращаться к ней, слава богу, приходится нечасто. Пока его ребята едут, он, на подъеме, выигрывает еще пятьсот долларов в рулетку.

В этом казино он – в последний раз. Больше здесь Игорь не появится – опасно для жизни. Хорошо, что тут нет обязательной регистрации и карточку посетителя выдают на любую вымышленную фамилию.

А появится ли он вообще когда-нибудь в каком-нибудь казино? И в Москве? И вообще на этой земле?..

Воскресенье, 20 сентября. Утро

Рейс на Архангельск улетал в восемь утра. Портье разбудил Таню в несуетную рань – в полшестого. Она приняла душ и переоделась в спортивное. В половине седьмого Таня была в аэропорту. Шереметьево-1 был еще гаже, чем Шереметьево-2.

«Терпи, – сказала себе Таня. – Никто не тянул тебя на полюс. Могла бы прожить четыре недели в Варах, в комфорте и роскоши. В Архангельске будет еще хуже. Но ты же сама хотела приключений. Вот и терпи».

Покорители полюса держались особняком. В группе из тридцати человек примерно двадцать были иностранцы. Двоих-троих Таня заметила еще в коридорах «Новотеля». Иноземцы диковато оглядывались по сторонам.

За что ей всегда нравились иностранцы – вечно они одеты чистенько, с иголочки, даже собираясь в турпоход. И от них всегда хорошо пахнет. Облако свежести, окружавшее иноземцев, даже забивало вокзальное амбре Шереметьева.

– Привет всем, – сказала, подходя к ним, Таня. Ее английский был, она знала это, безупречен. – Добро пожаловать к медведям.

– Хай! – заулыбались американцы.

– Знаете, народы, мы летим вместе на полюс. Давайте знакомиться. Меня зовут Таня.

Прекрасный способ не отпускать события по воле волн, а начать поиск будущего партнера прямо сейчас, еще не покидая Москвы.

Каждый из двадцати счел своим долгом энергично потряхнуть Танину руку. Трое из иностранных покорителей были женщинами. Двое мужчин руку не пожали, а приложились к ней – похоже, это французы.

Никто особо Таню не зацепил. Измельчали иностранцы? Или Вебер ее так околдовал? Не хотелось бы.

Она отошла от иноземцев к нашим. Отметилась в списке у начальника аэроклуба, который тут же ужом ввинтился куда-то в толпу.

Одежда у наших была потрухлявей. Куртки и рюкзаки – посрее. Пахло от них попроще.

Из десятка наших двое были женского пола. Трое – явные фанаты-парашютисты. Таня встречала их на аэродроме. Брезентовые куртки, брезентовые рюкзаки. Пахнет «Шипром» и «Примой». Романтика трудных дорог. «Лыжи у печки стоят, месяц кончается март...» Нет, это не для нее.

Еще трое были одеты в «новорусском» стиле. Спортивные костюмы, яркие пуховики. Сотовые телефоны. Кому они звонить-то собрались – с полюса?

А вот этот мальчик был хорош. Высокий, румяный, тоненький, голубоглазый. Аккуратная, обтянутая джинсами «Ливайс», попка. Чувственный взгляд.

Она пожала ему руку – его звали Димой. Посмотрела ему в глаза – он ответил на взгляд.

Она поняла: что-то здесь может быть. Только бы он не оказался бедняком. Или жиголо. Или занудой.

– Выручайте, мужики! – В их группу вернулся начальник аэроклуба. – У одного американца – проблемы. Чего-то он там важное забыл в гостинице, теперь лететь боится. Кто по-английски понимает?

Таня подошла вместе с начальником к американцу. Тот стоял потерянный и бледный. Вместе с ними к иноземцу подтянулся и Дима.

Дима, опережая Таню, с ним и заговорил. Таня отметила про себя его быструю речь и отменное произношение.

Выяснилось, что американец забыл в гостинице не паспорт, не деньги, не парашют – талисман. Плюшевого медведя. О, эти причудливые иноземцы!.. Этот талисман был, плакал американец, с ним и на Эвересте, и на Амазонке, и на Килиманджаро. Он приносил ему удачу.

Он готов заплатить любые деньги, если только русские найдут медведя и доставят его сюда, к нему, в аэропорт!

– Триста долларов, – быстро сказала Таня.

– Пятьдесят, – столь же быстро ответил американец.

– Вы так дешево цените свою судьбу? Двести семьдесят.

Наконец сошлись на двухстах долларах.

Таня всегда притягивала к себе приключения. Нестись во весь опор в гостиницу и обратно, рискуя опоздать на самолет, – это было по ней. А если на этом можно еще и заработать – тем лучше.

Через минуту, пряча на ходу две зеленые сотни во внутренний карман куртки, Таня стремительно выходила из здания аэропорта. Услышала за собой торопливые шаги. Это был Дима.

– Не корысти ради, – пробормотал он, – а токмо компании для.

– Можешь рассчитывать на десять процентов, – улыбнулась Татьяна. Ей было приятно, что Дима, на которого она сразу положила глаз, увязался за ней.

– Согласен на бутылку пива и ласковый взгляд.

– Получишь в Архангельске. А теперь – понеслись! – скомандовала Татьяна и замахала рукой, подзывая таксистов.

* * *

По воскресному утру движение на шоссе и в городе было слабым. Таксист несся на своем «Москвиче» во весь опор.

В гостинице они неожиданно быстро договорились с портье. Игрушка – не деньги и не документы. Портье с удовольствием услужил эффектной блондинке. Американский медведь был изрядно потерт. Видно, досталось ему на Килиманджаро.

Таксист столь же стремительно привез их обратно в Шереметьево. Но все равно было поздно. Уже пять минут, как рейс СУ 747 взлетел, направляясь в Архангельск.

В окошке регистрации для Тани и Димы оказалась записка от начальника аэроклуба, их паспорта и билеты для них обоих, перекомпостированные на рейс АГ 2315. Он вылетал двумя часами позже. «Встречаемся в Архангельске в гостинице «Север», – говорилось в записке. – Удачного полета! Потери за перерегистрацию билетов возместите мне из «медвежьих» денег. Плюс процент за хлопоты». В этом был весь начальник аэродрома. Не в его правилах было упускать хотя бы копейку.

– Я правильно понял, что пиво получу еще в Москве? – игриво спросил Дима.

– О, эти современные мужики, – театрально вздохнула Таня, – так и норовят проехаться за счет беззащитной девушки.

– За пиво заплачу я. Но ты обещала еще ласковый взгляд!

* * *

Очень быстро объявили посадку.

Или за разговором с Димой она не заметила, как пролетело время?

– Танечка, давай мы на тебя парашют наденем, – предложил Дима, когда они встали в хвост небольшой очереди на регистрацию. – Представляешь, какая картина: хрупкая изящная девушка в летных очках и с «мешком» за спиной...

– Да меня в самолет так не пустят, – засмеялась Таня. – Решат, что я террорист-угонщик. – Настоящие террористы маскируются. Они выглядят как рядовые граждане.

– О, так вон террорист стоит, – фыркнула Таня, украдкой показывая Диме на невзрачного очкарика с потертым «дипломатиком» в руках.

– А вон еще один. – Дима кивнул на священнослужителя в рясе.

– Выходит, у нас полный самолет террористов, – подытожила Таня, и они засмеялись.

За разговорами быстро прошли регистрацию и отправились на паспортный контроль. Дима тащил по парашютной сумке на каждом плече, а в руках – большую часть своего и Таниного багажа.

– Паспорта – мне, а сумочки ставим на транспортер, – не поднимая головы, буркнул им милиционер.

– Товарищ капитан, улыбнитесь девушке! – весело приветствовала его Таня.

Милиционер оторвался от паспортов и внимательно посмотрел на нее. И улыбнулся.

Потом пролистал Танин паспорт вплоть до странички о семейном положении.

– Пока не замужем, но нахожусь в активном поиске! – кокетливо улыбнулась Таня.

Милиционер посмотрел на нее более внимательно. Но тут вмешался Дима:

– Девушка, по-моему, вы летите со мной. Ведите себя как верная подруга!

– А по-моему, мы с вами только сегодня познакомились... – протянула она.

– Но мы уже провели вместе час в гостинице!

Милиционер разочарованно посмотрел на Таню.

Таня и Дима подошли к транспортеру забрать свои вещи.

Рядом с их сумками стояли двое людей в форме и взволнованная стюардесса. Они внимательно смотрели на экран компьютера, на котором четко высветился черный силуэт пистолета...

Таня опешила. А Дима спокойно сказал:

– Пистолет мой. Только он газовый. Необходим – как журналисту – для самообороны. Вот разрешение.

Разрешение оказалось в порядке. Но пистолет заставили сдать под расписку стюардессе. Она взяла его пугливо, словно змею.

В накопителе было совсем немного людей.

Очкарик-«террорист» читал газету «Ваши 6 соток».

Двое «лиц кавказской национальности» быстро переговаривались на своем языке.

Важная семейка – оба мордатые, и он и она с ног до головы одеты в кожу – тетешкала младенца.

На младенца смотрела, улыбаясь той улыбкой, какой улыбаются только малышам, милая женщина лет тридцати пяти. Рядом с нею стоял хмурый мальчик...

«Мы случайно собрались вместе, – подумал Дима. – Потом прилетим, разбредемся и больше никогда не увидимся и не вспомним друг о друге...»

Дима ошибался.

Рейс 2315 все его пассажиры запомнят надолго...

* * *

– Зачем ты взял с собой пистолет? – поинтересовалась Таня.

– Стрелять в белых медведей.

– Газом?

– Я выстрелю газом, а они испугаются и убегут! Но на самом деле я сейчас применил простой психологический трюк. Догадываешься какой?

– Я, между прочим, выпускница психфака МГУ... Ты привлек внимание к мелочи, чтобы скрыть что-то серьезное. А что ты скрываешь?

– Ты, похоже, неплохо училась на своем психфаке... А скрываем мы то, что пронесли с собой уложенные парашюты. В принципе их надо сдавать в багаж или распускать. Но с парашютом-то лететь приятней! Вдруг самолет будет падать?

– Но ведь с рейсового самолета все равно не выпрыгнешь. Когда скорость полета больше пятисот километров в час, от самолета *невозможно оторваться*. Тебя просто размажет по борту. – Таню этот разговор начал раздражать. – И летают самолеты на высоте тысяч девятьдесят. А дышать тяжело уже выше четырех километров!

– Но все равно есть хоть маленький шанс спастись! Да и потом – нам не нужно будет ждать багажа...

– Террорист-лентяй, – буркнула Таня.

* * *

Он заблаговременно изучил расписание. Рейс будет выполняться на самолете «Ту-134». Старый ишачок «Ту-134». Тех «припасов», что он заготовил позавчера, должно хватить.

Но когда их подвезли на аэропортовском автобусе к еще более потертому «Як-42», у него екнуло сердце. Вот и верь после этого нашим расписаниям! В «Як» один туалет. Это плохо. Это дополнительный риск.

Сажали пассажиров, как это водится в России, не на означенные в билете, а на свободные места. А вот это мило. Значит, он сможет оказаться прямо за ними.

* * *

– Почему самолет заменили? – поинтересовался какой-то тип бухгалтерской внешности у стюардессы.

– Да пассажиров мало – че большую технику гонять.

– Тогда билет должен быть дешевле: «Як-42» – самолет менее комфортабельный.

Девушка сразу окрысилась:

– А я-то тут при чем? Не хочешь – не лети, щас вызовем автобус, отвезем тебя обратно!

– Вези, милая, вези. Я потом вашей компании такой иск вчиню – мало не покажется.

Стюардесса сникла. Вот они, новые времена. Раньше последнее слово наверняка осталось бы за ней.

* * *

Пилот первого класса Василий Михайлович Пенкин и штурман Андрей Русев любили наблюдать, как пассажиры заходят в самолет. Бортинженер Гена Шоринов, наоборот, эту картину ненавидел.

– Не понимаю, господа, почему вам нравится смотреть на эту толкотню. Пассажиры давятся – можно подумать, им в самолете ананасы раздадут. Сидели бы вы спокойно в кабине и читали газеты.

Но и опытный Василий Михайлович, и молодой специалист Андрей почему-то не могли читать перед рейсом газеты – не получалось сосредоточиться. Они наблюдали за пассажирами, переговаривались со стюардессами – и при этом мысленно готовились к рейсу.

Иногда на посадке происходило что-нибудь интересное. Пассажиры забывали в зале ожидания чемоданы и требовали срочно отвезти их в здание вокзала – как будто их бесхозный багаж там все еще стоит... Детишки вырывались из-под бдительного ока родителей и начинали носиться по летному полю... Подъезжал лимузин – длинный ящик с затемненными стеклами, – и оттуда царственно выходила какая-нибудь рок-звезда...

В общем, наблюдать за пассажирами было гораздо интересней, чем читать газеты.

Сегодня к Василию Михайловичу и Андрею подошла симпатичная молодая женщина. За руку она держала мальчонку лет двенадцати. Женщина посмотрела на них ясными глазами: «Извините за беспокойство, это вы – наши летчики?» Мальчишка смущенно уставился в землю.

– Мы. А вы хотите помочь нам управлять самолетом? – поинтересовался Андрей – женщина ему понравилась.

– Нет, упаси боже. У меня совсем другой вопрос. Видите этого юношу? – Она показала на пацана. – Это мой сын. Умный и смелый парень, но безумно боится летать. Все боится, что самолет упадет. Может быть, вы, как профессионалы, проведете с ним небольшую работу?

Штурман Андрей еще никого, кроме младшего брата, не воспитывал. Поэтому он сказал пацану резко:

– Эх, ты, а еще мужчина! Может, ты еще и темноты боишься?

Мальчишка покраснел и еще напряженнее стал смотреть в землю.

Василий Михайлович был опытным отцом.

Десять лет назад его супруга умерла от рака. Сгорела за год.

После ее гибели у него осталось два сына. Старший был тогда точь-в-точь как этот парнишка. Второй – на два года помладше.

Василий Михайлович за минувшие десять лет, тоскливые десять лет одиночества, выдюжил все: и детские хвори, и лень их, и двойки... Поставил сыновей на ноги.

Женщины рядом с ним были, только навсегда не прибилась ни одна. Встречался он с ними на «чужом поле». Пока сыновья находились рядом с ним, ему казалось, что привести домой другую «маму» – все равно что предать жену. Предать ее на глазах у сыновей.

Теперь сыновья выросли. Старший учится на четвертом курсе мореходки в Петербурге, младший там же, только на втором.

Только что парни приезжали после своей мореходной практики на каникулы. Оба загорелые, задубелые. Оба ростом с отца. Все шутили: «Ты, папаны, воздушный океан покоряешь, а мы – океан морской! Там платят больше!»

Он им уже не нужен. Вернее, нужен, но и без него они выдюжат. Василий Михайлович, которого юная супруга когда-то звала Васильком, уже пенсионер. И мог бы сидеть дома, в пустой квартире в Архангельске. Но ни одной живой души рядом с ним не было. И потому он – всеми правдами и неправдами – летал. В небе у него были друзья, была любимая работа. Он был здесь нужен.

...Василий Михайлович присел перед мальчишкой на корточки:

– Как тебя звать? Алексеем? Ну вот что, Алексей. Когда самолет взлетит, позовешь стюардессу и скажешь, что Пенкин велел отвести тебя в кабину. Я покажу тебе, как управлять самолетом. Летать, скажу я тебе, очень просто и безопасно. Как будто едешь на машине. Ты ведь не боишься машин?

Мальчишка воспрял. Женщина благодарно смотрела на Василия Михайловича:

– Спасибо вам огромное! Он обязательно придет!

– Маму мы тоже приглашаем! – встрял Андрей.

* * *

...Когда самолет медленно выруливает на взлетную полосу и замирает у ее начала, замирают и все пассажиры. Через несколько секунд пилот получит разрешение на вылет, и тяжеленная махина легко пронесется по взлетке и взмоет в небо. Пассажиры всегда волнуются перед взлетом. Даже самые смелые, прошедшие огонь и воду люди внутренне замирают, – конечно, современные самолеты выглядят надежными, но мало ли что... Из всех пассажиров самой спокойной, наверное, была Таня. Она вместе с друзьями-парашютистами взлетала уже столько раз, что этот драматический момент просто перестал ее волновать. Обычно на взлете Таня внимательно наблюдала за высотой. Если ей предстоял прыжок – то следила за стрелкой выотомера на запястье. А если она летела обычным рейсовым самолетом, то всегда старалась сесть у окна, пытаясь определить высоту на глазок. Вот когда самолет пойдет на посадку – тогда и Таня будет нервничать. Приземляться она привыкла по-своему – полагаясь только на бесшумный парашют. А садиться вместе с самолетом – это страшно. В ее активе было тринадцать полетов на спортивном «Як-40»: десять вместе с инструктором и три самостоятельно. О своих впечатлениях от управления самолетом она могла сказать одно: страшно. Таня всегда удивлялась, даже когда летала сама: как такая железная бандура умудряется не промахнуться и приземлиться прямо на взлетную полосу, а не мимо. Ладно, если это крошечный спортивный самолет. А когда огромный пассажирский лайнер?

Ну ладно, до приземления еще два часа. Надо сначала взлет пережить.

* * *

Аркадий любил в своей работе все. Он любил быть в гуще людей. И любил исподволь наблюдать за ними. Ему нравилось, что он выглядит так же, как и они, – но от них отличается. Ему нравились даже аэропортовские гостиницы в разных городах, их скрипучие полы и титаны

с кипятком. Он любил вид земли с высоты птичьего полета. Ему нравилось, наконец, что под пиджаком в кобуре приятно тяжелит плечо «ТТ», заряженный боевыми патронами.

Единственное, чего не любил Аркадий, это взлета. Он не боялся самого полета и совсем не остерегался того, что КОГДА-НИБУДЬ ему все-таки достанется самолет с террористами. Только бы террористы не начали действовать, пока самолет взлетает. Тут он – пас.

Никто из его коллег не знал об этой слабости Аркадия. Никто не знал, как упорно его преследует кошмар со взлетом. Он ему снится каждую ночь перед очередным рейсом. Вот самолет разгоняется. Вот он отрывается от взлетки. Сто метров высоты, двести, триста. Машины, дома, деревья становятся все меньше и меньше. И тут – во сне происходит все, что угодно. Загорается двигатель. Отваливается хвост. Взрывается бомба. «Этого не будет!» – убеждал себя наяву Аркадий. Но ЭТО продолжало ему сниться, хотя взлетал он уже не меньше сотни раз. И ничего пока не происходило. Он по секрету рассказал о своем кошмаре знакомому психологу. Тот отнесся к проблеме с пониманием и посоветовал во время взлета закрывать глаза и заниматься аутоотренингом.

Аркадий пристегнул ремни и закрыл глаза: «Мы взлетим нормально. Мы обязательно взлетим нормально...»

* * *

Усесться в самолет новые друзья не спешили, пропустили всю очередь, и потому оказались почти в самом конце салона. Таня села, как обычно, у окна, Дима – рядом. Через проход оказался тот самый «террорист» в очках, над которым они смеялись в очереди на регистрацию. «Террорист» брезгливо отряхнул сиденье, снял с его спинки не первой свежести салфетку и только потом поздоровался со своими соседями.

– В каком ужасном состоянии наши самолеты, – возмущенно сказал он. – Представляете, я заходил в туалет, а там вместо салфеток – обычное полотенце. И об него все – ВСЕ! – вытирают руки! Это же очевидный рассадник бактерий!

– А вы эпидемиолог? – поинтересовалась Таня.

– Я вообще не врач, но не надо и врачом быть, чтобы видеть эти очевидные вещи! Посмотрите, какая грязь везде. Иллюминаторы мутные, в проходах мусор. Наша авиация приходит в упадок...

Таня с Димой поняли, что в соседи им попался удивительный зануда. И такого человека они посчитали за террориста?

Самолет благополучно взлетел. Стюардесса предложила отстегнуть ремни и пообещала прохладительные напитки и обед за дополнительную плату. Пассажиры успокоились, а кое-кто достал из личных запасов бутылки с горячительным. Рейс АГ 2315 взял курс на Архангельск...

* * *

– Гена, у нас сегодня будут гости! – обрадовал Андрей бортинженера.

– Что, опять комитетчик в кабину просится?

– Нет, в этот раз какого-то малахольного дали. Аркадием звать. Сидит, глазами шныряет... А придет к нам очаровательная мамаша с мальчишкой, который боится летать. Пацана мы будем учить смелости. А что мы будем делать с мамашкой, Гена?

– Ты ее поохмуряешь. А мне она мешать будет.

* * *

Таня с Димой увлеченно играли в «козла» – малоинтеллектуальную, но удивительно азартную игру. Дима безнадежно проигрывал и объяснял это тем, что он ужасно голоден:

– Сейчас обед принесут – и я тебя, Танчик, так отделаю, что мало не покажется.

* * *

...Успешно пронести в самолет дымовые шашки и тол. Определить, где груз. Провести операцию. И при этом все сделать так, чтобы тебя не установили. Задача с четырьмя неизвестными. Многовато. Но тем интересней! Он с нетерпением ждал обеда. К обеду самолет наберет максимальную высоту и встанет на автопилот. Сопровождающий комитетчик расслабится. Пассажиры начнут дремать. Вот тут и настанет время действовать.

* * *

– Ну что, Алеша, пойдем к пилотам?

Алеша, бледный после взлета, печально кивнул. Живой и смелый мальчик, который лихо гонял на роликах и залезал на деревья вышиною с дом, безумно боялся самолетов. Маму это беспокоило. Может быть, если он посидит в кабине и понаблюдает за тем, как спокойно и четко работают пилоты, то перестанет бояться?

А этот летчик, Василий Михайлович, – у него обручальное кольцо на левой руке. Значит, вдовец. И такой обстоятельный, и благородная седина ему так идет... Может сложиться перспективное знакомство...

* * *

– Не забудьте помыть перед обедом руки после карт, – встрял «террорист»-зануда.

Тане он надоел безумно. Она повела носом:

– Ой, что-то гарью пахнет. Наверно, один из двигателей загорелся.

«Террорист» насторожился и начал принюхиваться.

– Действительно, пахнет, – дрожащим голосом сказал он.

Дима еле сдерживался, чтобы не рассмеяться, – пахло пригоревшей курицей. Стюардессы явно переусердствовали в разогревании обеда.

* * *

Пора! Он отправился в туалет.

Достал из портфеля две дымовые шашки. Переложил их в карман пиджака. Туда же отправил и респиратор.

Посмотрел на себя в зеркало. Выглядел он уверенно. «Ты сможешь, – сказал он себе. – У тебя все получится. Все будет хорошо».

* * *

Пришла пора пройтись по самолету и еще раз посмотреть на пассажиров. Аркадий встал. В принципе, он внимательно рассмотрел всех еще на посадке. Внутренний голос подсказал: «И в этот раз все чисто». Сколько рейсов летает благополучно. Он вполне может дослужиться до пенсии и так и не встретить ни одного террориста. Придется рассказывать детям выдуманные истории...

Туалет был занят. Аркадий терпеливо ждал, разглядывая пассажиров, сидящих сзади. Обычная публика.

Два бизнесмена с одним «Коммерсантом-дейли» на двоих.

Мама с дочкой о чем-то секретничают и заговорщицки улыбаются.

Парень и девушка. Активно кокетничают. Похоже, недавно познакомились. Знакомства на высоте семь тысяч метров, Аркадий знал это по себе, завязываются быстро...

Наконец туалет освободился. Оттуда вышел мужчина лет тридцати. Из открывшейся двери пахнуло куревом.

– Вы курили? – строго спросил Аркадий.

– Там полный унитаз «бычков»! – возмутился парень. – А я вообще не курю.

Аркадий вздохнул. От парня пахло «Ротмансом». Только ведь все равно ничего не докажешь. Да и не его это дело – бороться с курильщиками. Пусть стюардессы разбираются. Он вошел в туалет и чуть не задохнулся – казалось, что сюда сбегал покурить уже весь самолет, включая грудных детей. Наплевать нашим пассажирам на правила! Сделали бы как в Америке – поймали с сигаретой, плати штраф в несколько тысяч долларов!

Но Аркадий служил не в Америке...

* * *

– Вот и новый пилот пришел! – ласково приветствовал Алешу Василий Михайлович. Мальчик с любопытством осматривал кабину. Сколько приборов! Раз в сто больше, чем в машине! Неужели во всем этом можно разобраться?

Сзади стояла его мама. Она причесалась и подкрасила губы. Сколько ей, интересно, лет, подумал Василий Михайлович. Судя по возрасту парня, около тридцати пяти. Но выглядит на двадцать семь. И лицо хорошее. Не похожа на стерву.

– Иди, летчик, на мое место! – пригласил Василий Михайлович. Самолет на автопилоте, парень выглядит вроде разумно, да и Андрей сидит рядом. А он пока поболтает с мамой.

* * *

И зачем они сохранили это правило – сажать в самолет сопровождающего? Какой от него толк? «Молодой человек, вы курили?» Сам небось тоже в туалет покурить пошел! Террористов он будет ловить! Не получится! Просидит в туалете самое интересное!

* * *

– Танечка, сколько у тебя прыжков?

– Не помню.

– Как не помнишь? Ты разве их не записываешь?

– Да нет, записываю. Высоту, задание, происшествия. Но сколько именно – не помню. Пятьсот шестьдесят с чем-то.

– Ого! А у меня только девяносто шесть. Представляешь, сотый прыжок должен быть на Северный полюс. Ты прыгнешь со мною в паре? В свободном падении поцелуемся.

– Димочка! Мы же после этого инвалидами станем! Там холод какой – губы обветрятся.

– А мы через платочек. Давай начнем тренироваться прямо сейчас?

* * *

Он медленно подошел к своему месту. Пора! Наклонился, сунул руку в карман. И кинул дымовую шашку под кресло, туда, где сидели эти двое с товаром.

* * *

– Если хочешь, ты можешь даже покрутить штурвал! – великодушно разрешил Андрей пацану. – Только аккуратнее. – Он встал у него за спиной. Пацан осторожно повернул штурвал вправо.

– Вот видишь, ничего страшного. Ты и сам можешь управлять самолетом! – сказал Василий Михайлович.

Леша посмотрел на него восхищенным взглядом.

* * *

– Пожар, пожар! – изо всех сил закричал он и тут же увидел, как интеллигент судорожно схватился за внутренний карман. Значит, его расчет оказался верным. Как только запахнет жареным, они сами себя выдадут и покажут, где именно находится груз.

Он успел надеть респиратор.

Самолет окутал сизый удушливый дым.

* * *

Боже мой, что за вонь! Аркадий пулей выскочил из туалета, на ходу вытаскивая пистолет. Он еле открыл дверь из гальюна – проклятый замок опять заело! – и не увидел ничего. Самолет был окутан дымом. Визгливо и тупо кричала какая-то женщина. На одной ноте: «А-а-а!» – ей вторил ребенок. Пожар? Взрыв?

Аркадий изо всех сил крикнул: «Спокойствие! Всем оставаться на местах! Ситуация под контролем». И стал пробираться к кабине пилотов.

* * *

Взрыв! Крики. Едкий дым. В первую секунду Таня не соображала ничего. Но у парашютистов от каждого мгновения зависит жизнь, поэтому она тут же взяла себя в руки и автоматическим жестом зажала нос и стала дышать ртом. Слезились глаза. Надо подумать о Диме – он ведь не профессионал! Но Дима, оказалось, не растерялся. Он тоже одной рукой уже зажал нос, а другой – показывал Тане под сиденья. Туда, где у них стояли сумки с парашютами.

* * *

В дверь кабины отчаянно замолотила стюардесса.
– Откройте! У нас тут пожар!
– Какой, на х... пожар? – воскликнул Геннадий. Все приборы показывали норму. Василий Михайлович распахнул дверь. В кабину ворвался черный дым.
Лешка отчаянно закричал и вцепился в штурвал.
Самолет завибрировал и накренился вправо.
– Выкинь его из кресла! – гаркнул Василий Михайлович Андрею.

* * *

«Каким образом я мог повредить самолет? Почему мы теряем высоту? Или уже приняли решение об экстренной посадке?» Груз был у него. И никто не понял, что именно ОН бросил дымовую шашку! Пока все шло по плану. И по его же плану ничего не должно случиться с самолетом. Дымовая шашка – штука относительно безопасная. Дышать тяжело, но от такого дыма никто не отравится. Если пилоты поведут себя грамотно и включат вентиляцию – дым рассеется через десять минут. Надо сидеть в туалете и ждать.

* * *

– Говорит 2315. У нас – «двадцать два». Повторяю: у нас «двадцать два», – связался с землей Андрей. – Возможен «компас». Повторяю: возможен «компас».
«Двадцать два» означало – «взрыв на борту, пожар». «Компас» по коду, действующему в нынешнем месяце, значило: «Возможен террористический акт, захват самолета».
Андрей выдернул наконец из своего кресла оцепеневшего и намертво вцепившегося в штурвал Лешку.

* * *

Аркадий отлично различал запахи. Он мог отличить «Ротманс» от «Мальборо» – хотя сам не курил – и «Гуччи» от «Босса», – хотя никогда не пользовался туалетной водой.
Аркадий быстро определил: это не пожар. Какой-то идиот бросил дымовую шашку. Надо быстрее сообщить об этом пилотам. До их кабины оставались считанные метры.
И тут самолет резко накренился вниз.

* * *

Самолет падает, понимала Таня. Это неуправляемое падение. Секунд через пятнадцать, может быть через двадцать, они врежутся в землю. «Боже, за что ты меня караешь!»
Никакие парашюты их не спасут. Ничто их не спасет. Они их не успеют надеть. А если наденут? Двери закрыты. Самолет загерметизирован.
Ощущение было таким, будто они падают с американской горки. Или находятся внутри оборвавшегося лифта. Удар будет страшным, понимала Таня. «Господи наш, Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй мя, грешную!» Она читала единственную молитву, что знала. И снова, сначала: «Помилуй мя, грешную!»

Пассажиры не кричали, не плакали. Все, даже дети, оцепенели перед неминуемо надвигающейся на них землей.

Дима вцепился в подлокотники кресла. Лицо его было искажено.

До удара о землю оставались секунды.

* * *

Дима приготовился к неминуемому. Какая глупость – гибнуть таким молодым. Хорошо бы не было больно. А вдруг ему повезет? Вдруг его выбросит на лапы елей? Или в воду. Или в стог сена. Он читал: бывали такие случаи. Он нагнулся в кресле, закрыл голову руками и постарался сгруппироваться. Может быть, повезет.

* * *

Срок, который мысленно отвела Таня до удара о землю, прошел. Они прожили на одну, две, пять секунд больше.

Падение самолета стало не таким стремительным. Оно замедлилось. Оно стало более пологим.

О боже, летчикам удалось выровнять самолет! Он уже шел параллельно земле.

Таня посмотрела в иллюминатор. До земли оставалось не более двух километров. «О боже, ты услышал мою молитву!» Слезы навернулись у нее на глаза.

И в этот момент в задней части самолета раздался сильный хлопок.

* * *

Раздался сильный хлопок.

Тут же Дима ощутил сильнейший удар по ушам, будто бы кто-то с силой сдавил их обеими руками.

Самолет вдруг наполнил ледяной воздух.

Рев моторов стал гораздо громче.

Спереди вихрем полетели какие-то бумажки.

Дима оглянулся. Задняя дверь самолета была распахнута настежь. Забортная синь была опасно близка.

А неподалеку от распахнутой двери навзничь лежал неподвижный человек.

Дима не отрываясь смотрел на него и на распахнутую в синеву дверь.

Самолет прекратил движение по вертикали и стал медленно набирать высоту.

Неподвижный человек медленно скользнул по полу в сторону раскрытой двери.

– Там человек! – изо всех сил заорал Дима.

Из-за рева турбин слышать его могла только Таня. Самолет продолжал набор высоты. Неподвижный человек еще на несколько сантиметров продвинулся к двери по пологому полу кабины. До отверстия, до пустоты, ему оставалось каких-нибудь сантиметров тридцать. Еще несколько секунд – и все!

Дима понял, что действовать он может только сам.

– Парашют! – закричала ему Таня.

Он потерял секунд десять, надевая парашют. Самолет продолжал подъем. Человек еще сдвинулся к распахнутой двери. Теперь его ботинки свисали в пустоту.

Дима бросился к нему.

* * *

Дважды на протяжении пяти минут господь чудом не спасает. Милость его небезгранична. Надо позаботиться о себе самой. Таня надела парашют. Слава богу, она умела это делать очень быстро.

Таня видела, как к опасному отверстию и к человеку, свисающему из него, приближается Дима. Вот он склонился над ним. Берет человека за плечи.

Она тоже шагнула к ним.

Самолет набирал высоту все круче, поэтому эти несколько шагов Таня почти пробежала. Инерция пронесла ее мимо Димы и лежащего без движения человека. Таня уперлась рукой в переборку, за которой была пустота.

Дима вместе с лежащим человеком оказался теперь за ее спиной. Из хвостового отверстия прямо в пространство примерно по колени высывались ноги пострадавшего.

Таня оглянулась. За ее спиной Дима хлестал мужика по щекам. Правильно. Надо, чтобы он сам очнулся и отполз. Самолет пошел по более пологой траектории.

Мужчина очнулся и стал приподниматься. Таня видела голубизну его глаз. На виске его алела царапина.

Вот он подтянул ноги. Они уже не свисают над бездной. Вот он сел.

Таня нагнулась к нему, желая помочь подняться. Обхватила своими руками его под мышки.

И тут самолет тряхнуло.

Таня почувствовала, как ее ноги отрываются от пола.

* * *

В кабину ворвался комитетчик: «Это не пожар! Дымовая шашка!»

– Сами видим! – заорал Геннадий.

Лампочки, сообщающие о пожаре, не горели, зато тревожно мигала другая, извещавшая, что произошла разгерметизация салона.

* * *

Таня вместе с вцепившимся в нее парнем вылетела из самолета спиной вперед.

Она не смогла оттолкнуться, поэтому их проволокло по обшивке.

Мужчина послужил ей прикрытием. Ему ободрало спину – вверх взлетели клочья одежды.

Секунды три их несло в потоке воздуха за самолетом, потом они полетели вниз. Таня постаралась сгруппироваться – сейчас будет жуткий аэродинамический удар. Б-бах!

Она чуть не уронила свою живую ношу. Но мужчина был в сознании и крепко держался за ее шею руками, а ногами – за поясицу. Таня вместе с ним постаралась принять хоть немного стабильное положение: чтобы руки были раскнуты, ноги – тоже, а лицо обращено к земле. Если это не удастся, парашют может не раскрыться.

Ей было страшно отпускать своими руками мужчину, но она видела его напряженную шею и понимала, что он в сознании и хочет жить столь же сильно, как и она. Она разбросала руки. Человек изо всех сил держался за нее. Его рука больно прищемила ее волосы. Высота уже – километра полтора. А ей еще выбирать место для приземления. Таня несколько раз сжала и разжала заочневшую от ледяного потока воздуха правую ладонь. Ну, парашютик, не подведи!

Краем глаза она увидела, как правее от нее и внизу уже вспыхнул Димин купол. Значит, его тоже выбросило из самолета. Или он выпрыгнул сам вслед за ними.

Таня бросила «медузу» – вытяжной парашют. Если с укладкой все в порядке – через пару секунд основной купол наполнится.

И безумный свист ветра прекратился. Парашют не подвел! Они были спасены.

Таня поискала глазами их самолет. Он уже превратился в небольшую точку.

* * *

– Говорит борт 2315. У нас разгерметизация. Просим разрешить снижение. Нужна экстренная посадка.

* * *

– Уважаемые пассажиры! – надрывался по громкой связи Аркадий. – Пожалуйста, соблюдайте спокойствие. Ситуация полностью под контролем. Пожара нет, двигатели работают нормально. Пожалуйста, дышите носом. Мы запросили посадку. Мы приземлимся через пятнадцать минут. Ничего страшного не произошло. Двигатели работают нормально...

Андрей бросился в хвост – закрывать открытую кем-то дверь. Что случилось? Пассажиры идиоты решили проветрить? Но как им это удалось? Почему не сработала блокировка?

Как повезло, что разгерметизация произошла на относительно небольшой высоте – не больше четырех тысяч метров. На такой высоте кислорода, конечно, маловато, но мало – не смертельно.

Они все еще раз спаслись.

* * *

– Ничего себе полетик! – сказал ей прямо в ухо ее пассажир. Он крепко обнимал ее ногами за бедра, а руками за шею. Впрочем, в этих объятиях не было ничего сексуального. Она была спасатель, он – спасаемый. Вверху над ними пружинил прямоугольный купол парашюта.

Нервы у Тани были напряжены до предела, и она отреагировала грубо:

– Заткнись, а то сброшу!

Она уже увидела среди лесов небольшую полянку площадью не больше пятидесяти квадратных метров. «Туда и попробуем приземлиться...»

* * *

У Димы безумно болела спина. Он даже орал от боли – благо никто не слышал. Вокруг только воздух. Синева. Воздушный, так сказать, океан. И внутри этого океана Дима летел к земле. В безоблачном небе он видел, как приближается лес. И ничего, кроме леса.

Ну и стукнуло же его! Дима никогда прежде не прыгал с так называемой «большой техники». Только с маленького самолета «Ан-2» или с вертолета «Ми-8». Он попытался вспомнить, с какой скоростью они летают при выброске парашютистов. (На цифры у него всегда была плохая память. Он даже не знал, сколько строп у парашюта, чем вызывал сильный гнев аэроклубовских инструкторов.) Кажется, не больше ста сорока километров в час. Как средняя иномарка.

А этот их «Як-42», сколько он гнал? Километров пятьсот в час, наверное, или даже больше. Танька сказала, что на такой скорости прыгать бесполезно – размажет о борт. Однако

его не размазало. Он выпрыгнул и секунды три падал сгруппировавшись, сжавшись весь, будто эмбрион. Но ничего страшного не произошло, и он начал расслабляться, чтобы принять нормальную позу свободного падения – лицом к земле, руки и ноги широко раскинуты в стороны. Тут-то его и стукнуло. Толчок пришелся на спину. Это был аэродинамический удар. О нем толковали еще в армии: самолет создает за собой небольшой разреженный хвост, а когда ты вылетаешь из этого хвоста, то бьешься о нормальный сгущенный воздух. Никогда не думал, что он может быть таким твердым!

От удара Дмитрий прокусил губу. Весь подбородок его был залит кровью. И со спиной, кажется, что-то случилось... Хорошо хоть, что он не совсем растерялся и смог нормально раскрыть парашют.

Ну и история с ними приключилась! Он-то во время регистрации просто прикалывался, когда говорил о том, как важно пронести в самолет уложенный парашют. Накаркал, называется! Главное, что самолет не разбился, дальше полетел. Он так и не понял, что там случилось, почему вдруг повалил едкий дым, отчего была открыта задняя дверь и на каком таком воздушном ухабе их вышвырнуло за борт... Дима осмотрелся по сторонам. Куда ни глянь – всюду леса, кроны деревьев по-осеннему желтые, красные, зеленые. Как приземляться? На дерево?

Он попытался вспомнить, что полагается делать при посадке на лес. Кажется, обхватить лицо руками и спасать глаза. То есть приземляться, не видя куда... Страшновато. Неужели нет ни одной полянки?

И тут он увидел Танин купол, который был гораздо ниже и стремительно спускался к земле. Дима проследил за направлением ее приземления – и увидел поляну. Таня метила на нее. Как только углядела, гластая! Поляна была совсем недалеко, а высоты у него оставалось еще достаточно. Дима резко натянул правую стропу управления и начал «скручиваться», стараясь оказаться поближе к земле...

* * *

Пассажир держался за Таню мертвой хваткой. Его голова почти загоразживала ей обзор. Как бы все верно рассчитать и попасть точно на поляну, а не грохнуться вместо этого на какую-нибудь елку...

Пассажир выглядел спокойным. Тане, которая превратилась в комок нервов, казался поразительным его абсолютно бесстрастный вид. Выпрыгнул из самолета, причем без парашюта. Чудом спасся. И теперь спокойно висит, обхватив ее руками и ногами. Вертит головой по сторонам.

Центр тяжести у них двоих иной, чем был бы у нее одной. При приземлении она завалится на него. Поэтому она сказала: «Метрах в трех от земли отцепишься от меня. По моей команде!»

– Только не дай команду на тридцать метров раньше.

* * *

Вот она, поляна! Прямо под ним. А у него еще чертова куча высоты. И что теперь делать? Дима тормозил всю – до упора натягивал передние свободные концы. Но его все равно неумолимо относил от поляны на лес. Он стремительно несся навстречу огромным елкам. Закрыть глаза, обхватить лицо руками? Ну нет! Дима с треском врезался в крону дерева и схватился руками за ствол. Его накрыло куполом парашюта. Он ободрал лицо и руки. Но остался жив! И оказался на земле.

Почти на земле – ель была высотой с пятиэтажный дом.

* * *

Когда Таня попадала в непростые ситуации, она часто делала глупости. Например, если на экзамене ей выпадал «несчастливый» билет, она начинала отыскивать «шпоры», бомбить однокурсников записками о помощи и вообще вела себя так нервно, что преподаватель сразу понимал – студентка не готова. И она с трудом вытягивала на трояк.

Но парашютный спорт, которым Таня занималась уже четыре года, во многом изменил ее характер. Да, она и сейчас нервничала. Но только в том случае, если ситуация, в которую ей приходилось попадать, была всего лишь *непростой*. Если же речь шла о жизни и смерти, если ситуация выпадала *критическая*, она способна была мобилизовать все свои силы – для того, чтобы победить. Точнее, чтобы выжить.

«Интересно, что скажут на аэродроме, узнав, что я выпрыгнула из рейсового самолета и прихватила с собой пассажира?» – подумала Таня. Интересная все-таки штука человеческий мозг. Ей надо сконцентрировать все силы для того, чтоб благополучно приземлиться на крошечную полянку, а она думает о... Черт-те о чем она думает.

– Держись крепче! – крикнула она, развернувшись против ветра и стремительно пошла на посадку. Расчет оказался верным. Таня приземлилась в двух метрах от непролазного леса.

* * *

Первые несколько секунд они с пассажиром лежали молча. Тане хотелось завизжать, затопать ногами, забиться в истерику – наступила реакция от всего пережитого. Она изо всех сил сдерживалась, просто лежала на холодной земле, крепко зажмутив глаза.

Пассажир отодвинул в сторону купол парашюта и прижал Таню к себе:

– Ты моя храбрая девочка! Ты все сделала гениально!

И Таня прижалась к его прокуренной рубашке и горько заплакала.

Воскресенье, 20 сентября. День

Борис Петрович расслаблялся. Воскресенье. Солнечный день. Желтые, зеленые, красные деревья. Прозрачный осенний воздух. Он сидел на веранде своей дачи в любимом кресле, вытянув ноги на заботливо поставленную Людмилой табуреточку.

С утра он выкушал стакан апельсинового сока, потом поплескался в своем бассейне. Затем плотно позавтракал: бутерброды с икрой, омлет с сыром, кусок шоколадного торта. Милка – умница, услужлива и хорошо готовит.

Принял три рюмочки чистейшей охлажденной водочки – надо же выгнать вчерашний хмель. Потом выпил две чашки натурального кофе – из настоящей джезвы, а не растворимой бурды. К черту все диеты. К черту заботу о здоровье. Зато сейчас он сидит сытый, усталый, полусонный.

Борис Петрович затянулся сигаретой – ему их привозили прямо из Штатов, это не то польско-болгарско-кишиневское дерьмо, что продают у нас. Жизнь хороша... Но что-то мешало БП расслабиться вовсю. Какая-то червоточинка саднила в нем, слегка отравляя воскресный кайф. Что это, подумал он по привычке разбираться во всем, в том числе и в себе самом, до последней точки. У него утром не встал, несмотря на все усилия Милки? Да. Неприятно. И ведь это – уже второй месяц. И не только с Милкой, с другими блядами тоже. Но в конце концов ему за пятьдесят, у него в жизни другие радости и интересы. Однако все равно надо позвонить Сашке, взять курс этой лазерной-херазерной терапии. «Или все равно в конце

месяца буду на Мертвом море. Там, говорят, климат такой, что стоит как из пушки. Покуролесим там с Рубинчиком. Там девочки чудо как хороши. Длинноногие, худенькие, сисястые. Устроят нам с Рубинчиком групповую терапию».

Но нет, понял БП, отнюдь не временное «нестояние» чуть отравляло ему воскресную расслабуху. Другое. Суслик так до сих пор и не позвонил. А время-то половина второго. Он уже час, как должен был встретить товар. Чего он там телится? Говорено же было: сразу отзвонить. Какие бестолочи все кругом. Чушки и бакланы. Хорошо, когда так, а если, как это у них говорится, барабоны?

БП взял один из мобильных телефонов, лежащих рядом на антикварном столике карельской березы. Серdito набрал номер.

– Ну?! – гаркнул в трубку, когда ответили.

– Рейс задерживается, – быстро просвистел Суслик.

– Что там с ним еще?

– Говорят, технические причины.

– Быстро узнай, что да почему. Отзвонишь мне через полчаса.

Какие еще «технические причины»? Улетели они по расписанию. Погода на всей европейской территории бывшего, ети его мать, СССР – классная.

Конечно, все может быть. С нашим Аэрофлотом – тем более. Не «Люфтганза» же. Но какого хрена именно с этим рейсом?!

БП мгновенно сбросил с себя полудрему. Тело и мозги напряглись. Захотелось действовать, но он осадил сам себя, дал время Суслику узнать хоть что-то.

Адреналин, выбросившийся в кровь, потребовал движения. БП резко встал, сгреб мобильные телефоны и пейджер, вышел с террасы, хлопнув дверью, и быстро зашагал по усыпанной желто-красными листьями асфальтовой дорожке.

* * *

– Еще, еще, еще, еще! – кричала она, вонзая в спину капитану Петренко свои острые коготки.

И тут затрещал пейджер.

Надо отдать должное капитану: лишь после того, как Ольга хрипло закричала и откинулась в изнеможении, он финишировал сам и взял с прикроватной тумбочки ненавистный аппарат.

На нем высветился все тот же треклятый номер.

О господи! Воскресенье! Двенадцать утра! Их единственный день! Они впервые за три недели наедине. Трехлетнюю Юлечку теща милостиво вывезла на дачу.

О, какие были грандиозные планы! Завтрак в постели. Потом опять любовь, только уже неспешная, вдумчивая. Затем – прогулка по Невскому...

Но капитан Сергей Петренко был человеком долга по отношению ко всему. К жене. К дочери, неразумной Юле. К службе. (Именно в таком порядке: сперва семья, потом – работа.) Поэтому Петренко только вздохнул, но сунул ноги в тапочки, встал с постели и, оглянувшись на умиротворенную жену, которая лежала раскрасневшись и уткнувшись в подушку, отправился к телефону.

Телефон стоял на кухне их квартиры, только что переставшей быть коммунальной. Четырехкомнатная квартира в старом фонде! Это вам не семечки. Жильем Петренко гордился едва ли не пуще, чем семьей. Его получение явилось результатом отчаянных усилий как самого Петренко, удачно прописавшего сюда тещу с тестем, так и лично полковника Зимянина и всего управления в целом.

Петренко проплелся длинным, словно казарменным, коридором (деньги еще вкладывать в эту квартиру и вкладывать!) и взялся за телефон.

– Дрыхнешь, разгильдяй, – ласково приветствовал его капитан Степанов, дежуривший в то утро по управлению.

– Разговорчики! – буркнул Петренко. – Докладывай!

– Мои поздравленьца! – не сбавил игривого тона Степанов. А потом непринужденно перешел на протокольный лад: – Значитца, так. У нас – «земля». «Борт» – вынужденно в Пулкове. «Горняков» нет. «Степняков» – двое, легких. Берешь ты.

Из короткого доклада капитана Степанова – доклада, полностью непонятного непосвященному (да и как иначе по «открытому» телефону!), – капитан Петренко, стоявший голым в бывшей коммунальной кухне, понял тем не менее многое.

Во-первых, была совершена попытка террористического акта или захвата самолета. Во-вторых, самолет совершил вынужденную посадку в аэропорту Пулково. В-третьих, погибших, равно как и серьезно пострадавших, не было. Было двое легкораненых. Ну и, наконец, дело это со стороны ленинградского управления поручалось ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.